

ГЛАВА 2

НОВЫЕ КАРТЫ ДЛЯ НОВОГО МИРА

*Борьба с глобализацией равносильна
борьбе с законом тяготения.*

Кофи Аннан, бывший генеральный секретарь ООН

ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ГИПЕРГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дальнейшее развитие глобальной сетевой цивилизации — самая беспримечательная ставка, которую можно было бы сделать за последние пять тысяч лет. Процесс зародился в третьем тысячелетии до Рождества Христова, когда города-государства империй Месопотамии начали регулярно торговать друг с другом и даже с Египтом и Персией. В эпоху расцвета, в середине первого тысячелетия до нашей эры, империя Ахеменидов, основанная персидским царем Киром Великим, стала центральным звеном имперской сети, простиравшейся от Европы до Китая. Связанность способствовала росту благосостояния и распространению религии во всех направлениях. Как поясняет социолог Кристофер Чейз-Данн, нынешняя мировая цивилизационная сеть расширялась за счет подключения ранее изолированных региональных и культурных систем вместе с углублением связей вследствие объединения новых технологий, источников капитала и геополитических амбиций. И арабские завоеватели середины первого тысячелетия нашей эры, и монголы в XIII веке использовали

[>>>](http://kniga.biz.ua) Купить книгу на сайте kniga.biz.ua

свою организованность и мобильность для создания обширных империй. (Карты 2–11 и 13 к этой главе размещены на вклейке.) Крестовые походы и торговая революция позднего Средневековья способствовали процветанию морской торговли и заложили основу для многовекового европейского колониализма, следствием которого стал колониальный раздел мира, запечатленный на картах того времени.

Глобализация набирала обороты по мере расширения империями своих связей — путешествия иберийцев (испанцев и португальцев) в XV–XVI веках, датчан в XVII веке и компаний британской Ост-Индии в XVIII веке. Фабрики и заводы, открывшиеся в Великобритании во времена промышленной революции XIX века, требовали все больше хлопка и другого сырья, импортировавшегося из отдаленных колоний. Текстильная промышленность и сельское хозяйство способствовали развитию глобальных цепей поставок и глобальной работорговли. Огромный рост производства стали и прочих промышленных продуктов в Германии и США в конце XIX века наряду с расширением сети железных дорог и судоходных путей сформировал взаимосвязанную глобальную экономику невиданных ранее масштабов.

Описывая эти дни в своем знаменитом трактате 1919 года *The Economic Consequences of the Peace* («Экономические последствия мира»), Джон Кейнс писал: «Житель Лондона, потягивая утренний чай в кровати, мог заказать по телефону различные продукты со всех уголков Земли в таком количестве, какое он сочтет нужным, и ожидать их скорой доставки прямо к порогу... [Он] рассматривал такое положение вещей как нормальное, понятное и постоянное, ну разве что оно в дальнейшем улучшится, а любое отклонение от него как аберрантное, скандальное и предотвратимое» [1].

Период перед Первой мировой войной действительно стал золотым веком глобализации — если учитывать только интересы метрополий. Развитие торговли в эпоху империализма без границ требовало ресурсов, которые за бесценок приобретались в Латинской Америке, Африке и Азии и доставлялись в Европу. Африканских рабов и бесправных азиатских кули развозили по всему миру для работы на плантациях и рудниках — от Кубы до островов южной части Тихого океана. Целые континенты попадали в зависимость и даже после обретения независимости не становились свободными, а продолжали находиться в подчинении супердержав. Доминирование стран Запада в глобализации столетие назад сделало ее уязвимой: Первая мировая война, торговые барьеры, иммиграционные ограничения, финансовые трудности, политический национализм вызвали геополитические кризисы 1930-х годов, которые в конечном счете переросли во Вторую мировую войну.

Война стала катастрофой для глобализации, но лишь замедлила, а не остановила ее ход. Невзирая на «черную смерть» XIV века, мировые войны XX века, финансовый кризис начала XXI века, иные силы вроде массовых миграций,

капиталистических инстинктов и технологических инноваций продолжают создавать глобальную систему взаимодействия, которая становится масштабнее, быстрее и устойчивее (то есть более способной к восстановлению). Сегодня глобализация многолика, с гораздо большим числом участников и стимулов, всеобъемлюща и необратима.

Сам этот термин получил широкое распространение только в конце 1980-х годов, незадолго до окончания холодной войны. Несмотря на радикальное расширение взаимосвязей и взаимозависимости по всему миру, только за последнее время глобализацию объявляли мертвой трижды. Первый раз — после террористических актов 11 сентября 2001 года. Было заявлено, что подрыв доверия между Западом и арабским миром приведет к усилению мер безопасности на границах, а геополитические последствия войн в Ираке и Афганистане ослабят глобальную экономику. Затем в 2006 году провалился Дохинский раунд переговоров стран — членов Всемирной торговой организации (ВТО), где утверждалось, что без соглашения о едином своде глобальных правил объемы и масштабы глобальной торговли будут сокращаться. Наконец, во время финансового кризиса 2007–2008 годов объемы экспорта снизились, международное кредитование уменьшилось и англосаксонская модель капитализма подверглась нападкам — все это упоминалось как свидетельство деглобализации. Четвертый фронт «конца глобализации» разворачивается прямо сейчас, ведь процентные ставки в США повышаются, темпы роста китайской экономики замедляются, дешевая энергия и передовые промышленные технологии стимулируют перенос производства или части производства в соседние и близлежащие страны и его автоматизацию.

Но я считаю, что сейчас глобализация вступает в новый золотой век. На волне слияния стратегических амбиций, новых технологий, дешевых денег и глобальной миграции она продолжает набирать обороты и расширяться практически во всех направлениях. С 2002 года общая сумма экспорта продуктов и услуг возросла с 20 до 30 процентов мирового ВВП; и, по некоторым оценкам, этот показатель достигнет 50 процентов в течение нескольких следующих лет. Доля экспорта США в национальном ВВП тоже увеличилась: ИТ-, автомобильные, фармацевтические и другие компании все больше зависят от зарубежных рынков; 40 процентов доходов компаний, входящих в S&P 500, поступает из-за рубежа.

Возрождаются средневековые и античные торговые пути, некогда связывавшие процветающую Африку, Аравийский полуостров, Персию, Индию, Китай и Юго-Восточную Азию. Сегодня торговля товарами, услугами и капиталом на рынках развивающихся стран составляет около четверти всех глобальных потоков и растет быстрее, чем другие ее сегменты*. Между любыми двумя

* С 2000 года объем передаваемой финансовой информации через межбанковскую систему SWIFT стабильно растет более чем на 20 процентов ежегодно, главным образом за счет операций на рынках развивающихся стран.

быстроразвивающимися регионами — Китаем и Африкой, Южной Америкой и Ближним Востоком, Индией и Африкой, Юго-Восточной Азией и Южной Америкой — объем торговли вырос от 500 до 1800 процентов (да, я не ошибся, именно на четырехзначную цифру) за последние десять лет. Торговый оборот между Китаем и Африкой, стартовав примерно с 250 миллиардов долларов, сегодня почти вдвое превышает торговый оборот между США и африканскими странами и, по прогнозам, в скором времени догонит соответствующий показатель между ЕС и Африкой.

По мере расширения географии авиаперевозок и сети интернет-кабелей, пересекающих океаны, более низкая стоимость межконтинентальных перелетов и возможность всегда находиться на связи в режиме реального времени побуждают даже мелкие и средние компании в Южной Америке, Африке и Азии арендовать услуги цепей поставок. Любой может вести бизнес с кем угодно и где угодно.

Объем иностранных инвестиций достиг почти трети мирового ВВП, а инвестиции США в других странах постоянно растут и составили 5 триллионов долларов в 2013 году; в тот же период приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в США увеличился до 3 триллионов долларов. По состоянию на 2012 год ПИИ в развивающиеся страны составили около половины всех иностранных инвестиций в мире — больше, чем было инвестировано в экономику развитых стран. Невзирая на спад в экономике развивающихся стран в 2014–2015 годах, Китай быстро становится крупнейшим международным инвестором; и, по прогнозам, объем валютных резервов, портфельных инвестиций, ПИИ и общей суммы зарубежной собственности к 2020 году достигнет 20 триллионов долларов. Как писал ученый из Кембриджского университета Питер Нолан, Запад до сих пор в большей мере «в Китае», чем Китай «в мире» [2], но ситуация меняется, и сейчас исходящий поток капитала из Китая превышает входящий [3].

Глобализация напоминает серию разнонаправленных цунами, устремившихся через океаны и вздымающихся над континентами, сливаясь в сплошные потоки. Китайские банки предоставляют кредиты в Латинской Америке для стимулирования транстихоокеанского экспорта; индийские тракторы поставляются в африканские страны, что способствует росту экспорта сырьевых товаров в Азию; европейские банки финансируют машиностроительное производство в Юго-Восточной Азии для последующей продажи в Китай; американские компании разрабатывают программное обеспечение в Японии для азиатского рынка; наконец, любые два крупных города на любом континенте соединены беспосадочными авиарейсами.

В истории не было прецедентов такого масштаба, глубины и степени связанности, как в современном многополярном и мультицивилизационном мире, в котором все регионы важны и одновременно стремятся к сотрудничеству. После пятисотлетнего геополитического и экономического господства Запада

постколониальные страны получили шанс стать полноценными игроками на мировом рынке и продавать там товары и ресурсы, а не отдавать их за бесценок. На ежемесячных саммитах латиноамериканцы и китайцы обсуждают вопросы сельского хозяйства, африканцы и арабы — инфраструктурные услуги, европейцы и представители Юго-Восточной Азии — проблемы свободной торговли, американцы и африканцы — развитие электроэнергетики, китайцы и европейцы — исследования Арктики, и еще очень широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес. Если это и есть «столкновение цивилизаций», то пусть их будет больше.

Конечно, мысль о том, что глобализация достигла пика, соблазнительна, но единственная серьезная отрасль с 2008 года, в которой наблюдается снижение трансграничных потоков капитала, — это банковское кредитование, практически полностью обусловленное европейским финансовым кризисом [4]. Глобализация перестала быть синонимом американизации, поскольку зависимость от нее американской экономики усилилась, учитывая приток талантливых специалистов и инвестиций, а также миграцию капитала в поисках высокодоходных вложений, особенно в Азии. Глобализация больше не нуждается в разрешении Уолл-стрит и ФРС США. Гонконг и Сингапур составили компанию Нью-Йорку и Лондону как ведущим финансовым центрам мира вследствие расширения азиатских рынков и роста активов под их управлением, а также объема транзакций в иностранной валюте. Какой показатель ни возьми — количество иностранных туристов и мигрантов, трансграничных слияний и поглощений, объема передаваемых данных и прочее, — по всем наблюдается рост.

В связанном мире уменьшение одних потоков, как правило, компенсируется увеличением других, еще более интенсивных и устойчивых. Например, постепенно повышающиеся процентные ставки в США привели к сокращению объема портфельных инвестиций в экономику развивающихся стран, зато способствовали развитию азиатских рынков облигаций и одновременно привлекли дополнительные инвестиции из американских пенсионных фондов. Энергетическая революция в Америке обусловила падение нефтяного импорта, но стимулировала мощный приток в страну европейского и азиатского капитала для операций гидроразрыва пласта, нефтеперерабатывающих и химических предприятий — а это означает рост уровня глобализации. Приток ПИИ в экономику Китая начал сокращаться, зато китайские ПИИ резко возросли по мере укрепления юаня (по состоянию на 2014 год они даже превысили первые). Мудрые глобальные инвесторы не рассматривают мировые экономические тенденции по отдельности, а стараются представить общую картину и учесть последствия второго и третьего порядка.

Усилия США по возвращению домой пары миллионов рабочих мест в промышленном секторе меркнут по сравнению с почти *100 миллионами* рабочих мест, перемещаемых из Китая в Мьянму, Бангладеш, Эфиопию и другие страны

с низкооплачиваемой и низкоквалифицированной рабочей силой. К 2020 году поставщиком львиной доли международной рабочей силы станут развивающиеся страны Азии и Африки. По мере совершенствования инфраструктуры на этих развивающихся рынках промышленники могут быстро переводить сюда свои мощности, тем самым ужесточая конкуренцию. Всегда найдется «очередной Китай», готовый взять на себя трудоемкое и низкооплачиваемое производство, в то время как китайские компании, такие как, например, Huajian Shoes, один из крупнейших производителей одежды в мире, перемещают производство из Китая в свободные экономические зоны в Эфиопии [5]. Потоки труда и капитала меняют направление, но при этом неуклонно растут.

Теоретики международной торговли, инвестиционные банкиры и высокотехнологичные компании называют это эпохой гиперглобализации. Если сравнить глобализацию с воздушным шаром, то мы пока только начали его надувать. Западные эксперты демонстрируют необычайную недальновидность в отношении глобализации и склонны путать интернационализацию — масштабы которой существенно разнятся в разных отраслях и на разных этапах экономического цикла — и глобализацию как постоянно растущую *способность* к глобальному взаимодействию. Никакие статистические данные не смогут отразить ее истинный масштаб. *Объемы* операций, будь то торговля валютой, грузоперевозки или экспортные поступления, подвержены постоянным колебаниям, но способность системы к глобальной деятельности — гораздо лучший индикатор направлений развития глобализации. По сути, нет смысла говорить о глобализации в будущем времени, речь может идти только о степени связанности.

МЕРА ВЕЩЕЙ

Десять лет назад из Индии и Африки часто слышались заявления о недопустимости игнорировать миллиард человек, будто их численность уже сама по себе много значит и, в частности, дает право на представительство в Совете Безопасности ООН. Однако мир способен на это, да и вполне успешно игнорирует миллиард человек, если они бедны и беспомощны, разобщены и не являются активными участниками международного сообщества. Только при условии подключения к глобальной экономике миллиарда африканцев или индийцев их страны могут рассчитывать на конструктивный диалог.

Стратегическое значение, традиционно определявшееся размером территории и военной мощью, сегодня в большей мере зависит от степени влияния через каналы связи. Ключевым фактором влияния государства стало не его местоположение или численность населения, а его подключенность — физическая,

экономическая, виртуальная — к потокам ресурсов, капитала, данных, талантов и других ценных активов. Например, и в Китае, и в Индии проживает около полутора миллиардов человек, но доля Китая в мировом объеме импорта составляет около 10 процентов, а Индии — всего 2,5 процента. Китай — ведущий торговый партнер для более чем сотни стран (что превышает показатель США), а Индия — только для Кении и Непала. Согласно результатам исследования J.P. Morgan, 1-процентное снижение ВВП Китая приводит к 10-процентному падению цен на нефть. С точки зрения расстановки сил на мировой арене вряд ли для какой-то страны отношения с Индией окажутся важнее, чем с Китаем, даже несмотря на то, что по численности населения Индия уже опережает Китай.

Но даже если Китай по объему ВВП превзойдет США, а юань присоединится к доллару в корзине резервных валют МВФ, США по-прежнему будут иметь самую взаимосвязанную финансовую систему, контролирующую практически половину всех мировых финансовых активов общей стоимостью почти 300 триллионов долларов. В долларах США хранится львиная доля мировых валютных резервов; рынок американских государственных облигаций составляет около 12 триллионов долларов и на данный момент самый большой в мире; объем американского фондового рынка оценивается примерно в 35 триллионов долларов — около половины мирового фондового рынка; кроме того, в США крупнейший рынок корпоративных долговых обязательств (одновременно лидирующий по объему выпуска номинированных в евро корпоративных облигаций). Правительства стран, банки, компании и отдельные люди в большей мере интегрированы в американскую финансовую систему, чем в любую другую.

Измерение степени связанности помогает устранить зависимость производимого впечатления от фактора территории. Россия — крупнейшая страна в мире, но на данный момент наименее подключенная среди ведущих экономик мира [6]. Ее экономика почти полностью зависит от сырьевого экспорта, но по мере роста предложения нефти и газа на мировых рынках влияние России за пределами так называемого ближнего зарубежья (бывших республик Советского Союза) будет ослабевать.

Россия — наглядный пример меньшей предсказуемости и большей волатильности менее связанных стран. У Ирана, Северной Кореи и Йемена, как и у таких изолированных и агрессивных стран, как Нигер и Центральноафриканская Республика, очень низкий уровень связанности, зато высока степень исходящей от них опасности. Следовательно, вместо дальнейшего усиления изоляции мы должны вовлечь их во взаимодействие в более позитивных формах. Например, Афганистан, будучи ведущим экспортером наркотиков и терроризма, имеет шансы перейти к позитивным формам связанности путем экспорта меди и лития, а также как часть Шелкового пути на участке от Центральной Азии до Аравийского моря, входящем в общий маршрут от Китая до Ближнего Востока.

Наиболее взаимосвязанными традиционно были западные страны, чья долгая история колониальных империй, тесные региональные связи (внутри ЕС и трансатлантического сообщества), емкий рынок капитала и высокий уровень технологий складывались веками. Индекс связанности, рассчитанный Глобальным институтом McKinsey — показатель интенсивности потоков товаров, капитала, людей и данных в сравнении с национальным ВВП, — для локомотива европейской торговли Германии достигает колоссального значения 110 процентов, что доказывает важность связанности для процветания крупной страны. (У США и Китая этот показатель несколько ниже из-за огромных объемов внутренних рынков, но все равно довольно высокий — 36 и 62 процента соответственно.) Взаимосвязанные страны — самые уважаемые. Германия занимает верхние строки рейтинга как по индексу связанности McKinsey, так и по версии Pew/GlobeScan, как одна из самых уважаемых стран в мире.

Связанность усиливает влияние небольших стран; у Сингапура и Нидерландов высокий показатель интенсивности потоков, поскольку они больше зависят от входящих и исходящих потоков товаров, услуг, финансов, трудовых ресурсов и данных, чем более крупные страны. У Норвегии, относительно небольшой и географически удаленной северной страны, самый крупный в мире фонд национального благосостояния, сформированный за счет поступлений от экспорта нефти и контролирующий 1 процент объема торговли на фондовых рынках мира и 3 процента — в Европе. Когда доля норвежских инвестиций в ценные бумаги развивающихся стран составила 10 процентов от совокупного инвестиционного портфеля, усилилось и влияние норвежской экономики на сотни ведущих транснациональных компаний [7].

Более высокая степень связанности означает более высокие темпы роста и более интенсивные потоки. Почти 40 процентов глобального ВВП, как и четверть глобальных темпов роста, зависят от трансграничных потоков товаров, услуг и капитала [8], причем потоки наукоемких продуктов, например цифровых услуг, уже оцениваются в 13 миллиардов долларов в год (около половины общей стоимости всех потоков) и продолжают расти, как бы напоминая о том, что взгляд на глобализацию исключительно с позиций промышленного производства не раскрывает ее сути*. В традиционном представлении объем торговли увеличивается прямо пропорционально размеру сообществ и обратно пропорционально расстоянию между ними. Но с появлением цифровой связи каналы поставок могут быть не только материальными, но и цифровыми: после подключения к интернету

* Наукоемкие потоки представлены высокотехнологичными продуктами (например, полупроводниками, компьютерами, программным обеспечением), медицинскими препаратами, автомобилями, продукцией машиностроения и бизнес-услугами (ведение бухгалтерского учета, консультирование по правовым вопросам, инженерное обслуживание), а также иностранными инвестициями, способствующими передаче управленческого опыта и навыков, роялти, платежами за патенты, расходами на деловые поездки, доходами от международного телевидения.

по кабелю маржинальные затраты на предоставление услуг упали почти до нуля. Цифровые сообщества разделяют не расстояния, а лишь политика и культура.

Картографическое программное обеспечение наглядно показывает, что связанность важнее географии, благодаря чему становится полезным пояснительным инструментом. Например, исследовательский консорциум Worldmapper и Панкадж Гемават с помощью модели CAGE предлагают способы визуализировать страны и регионы исходя из их экономического веса, торговых партнеров и других показателей, подчеркивая тем самым глубину глобализации, ее распространение и направление. Это позволяет увидеть, что, например, у Африки, несмотря на обширную территорию, небольшой экономический вес, но огромные запасы полезных ископаемых делают ее весьма перспективным регионом, а также проследить, как удельный вес экспорта Германии в страны еврозоны сократился с 50 до менее 35 процентов от общего объема, а в Азию резко увеличился. От традиционного предположения о том, что самые активные экономические связи страны поддерживают с соседями, можно перейти к утверждению, что прочность экономических связей определяется не столько географической близостью, сколько функциональной совместимостью. Скажем, можно выделить специфику цепей поставок в зависимости от отрасли и, в частности, выяснить, насколько тесно связана ИТ-индустрия Бангалора с экономикой США. Значение расстояний все еще актуально, но определенно уменьшилось.

НОВАЯ ЛЕГЕНДА КАРТЫ

На всех картах в углу размещен специальный квадрат под названием «Легенда карты», содержащий перечень цветов, линий, стрелок, точек и прочих условных обозначений с разъяснениями, позволяющих определять особенности ландшафта. И для составления атласа мировых цепей поставок список условных обозначений придется заметно расширить.

Прежде всего мы должны отобразить на карте границы властных полномочий и связи между регионами, а не только государственные и административные границы, то есть выделить наиболее взаимосвязанные территориальные единицы, наиболее стойкие связи и сильные центры влияния. Как правило, они попадают в одну из пяти категорий, так называемых пяти С*: территории *стран*, агломерации *городов*, региональные *содружества*, «облачные» *сообщества* и национальные *компании*.

* В английском языке названия всех пяти категорий начинаются с буквы «с» — countries (страны), cities (города), commonwealths (содружества), communities (сообщества), companies (компании). *Прим. пер.*

СТРАНЫ

66

Самая большая ошибка при составлении традиционных географических карт — изображать на них страны как политико-административные образования с суверенными правами, как будто наличие страны означает, что вы ее полностью контролируете. Вместо того чтобы наносить юридически признанные государственные границы, следует отображать на карте реально контролируемую кем-то территорию.

Некоторые страны неоднородны в политическом и культурном отношении, и единственное, что их объединяет, — это география. Индию, например, гораздо больше скрепляет география, чем демократия — «сбежать» с полуострова сложно. В северном Кашмире и северо-восточных штатах Манипур и Нагаленд периодически активизируются сепаратистские настроения. Другие страны настолько территориально разобщены, что связывает их только название. Бедные островные архипелаги наподобие Индонезии отчаянно нуждаются в транспортной и коммуникационной инфраструктуре для поддержания связи между островами. Многие из четырнадцати тысяч островов фактически не контролируются Джакартой, а скорее находятся в орбите влияния Сингапура или Малайзии. Естественные препятствия хоть и обеспечивают неприступность государственных границ, но при этом разделяют страну на части, и тогда для сохранения ее целостности требуются дополнительные усилия. Странам, разобщенным географически, трудно сохранять политическое единство.

В Демократической Республике Конго, крупнейшей стране Черной Африки, вряд ли наберется тысяча километров мощеных дорог. Неудивительно, что ведущие ученые прямо заявляют, что, хотя де-юре Конго считается государством, де-факто его уже «не существует». Жизнь 75 миллионов жителей страны в большей степени связана с буксирами и баржами, забитыми торговцами, семьями, беженцами, скотом, канистрами пальмового масла, автомобилями и тюками с одеждой. На то, чтобы все это перевезти по реке Конго из Киншасы в Кисангани, разделенных тысячей километров, уходят недели. Географически единые страны живут и здравствуют; разобщенные территориально пространства распадаются.

Расстояние — это обоюдоострый меч: оно предоставляет государству еще один барьер для защиты населения, но и требует дополнительных затрат на поддержание территориальной целостности. Когда Сталин после смерти Ленина в 1924 году возглавил Советский Союз, он прежде всего приступил к решению проблемы инфраструктурной отсталости страны и инициировал ряд проектов, в том числе строительство Туркестано-Сибирской магистрали (Турксиб). Однако колоссальная внутренняя неоднородность Советского Союза с его многочисленными этногеографическими образованиями в конце концов привела к неизбежному распаду, подобно тому как это когда-то случилось с Османской империей. Сегодня Россия — самая большая страна в мире, но при этом очень мало

инвестирующая в обеспечение своей целостности; в результате ее регионы тяготеют к более мощным и густонаселенным странам Западной Европы и Китаю. Путешествуя на автомобиле по России, я понял, что атлас дорог в этой стране содержит гораздо больше информации, чем политико-административная карта.

По словам Вацлава Смила, в 2010–2013 годах Китай израсходовал больше цемента, чем США за весь XX век. Однако многие крупные развивающиеся страны мира раздроблены сильнее, чем показано на картах, причем часто по причине отсутствия базовой инфраструктуры, обеспечивающей единство страны. Общее население четырех из них — Бразилии, Индонезии, Нигерии и Индии — составляет два миллиарда человек, но в целом эти страны функционируют менее эффективно, чем сумма их регионов, из-за слабой взаимосвязанности последних. В таких странах степень управляемости резко снижается по мере удаления от столицы.

Согласно нынешним географическим картам, Конго, Сомали, Ливия, Сирия и Ирак — суверенные и независимые государства, а не геополитические «черные дыры», коими они есть на самом деле. Почему бы не обозначить их на карте более светлым тоном (близким к белому), чтобы подчеркнуть их слабость? Некоторые государственные образования, например Курдистан или Палестина, не отображены на картах, но должны там быть, хотя их политическая география не оформлена до конца. Существуют также «государства в государстве», такие как «Хезболла» в Ливане, «Боко Харам» в Нигерии или «Талибан», оплотивший своей сетью Афганистан и Пакистан, причем они гораздо больше влияют на свои территории, чем центральное правительство. ИГИЛ не признано государством, но контролирует определенное пространство и агрессивно расширяет свое господство на территории Сирии и Ирака. Профессор Миддлберийского института международных исследований Итамара Лохард насчитала 13 тысяч вооруженных формирований, что в 65 раз больше, чем количество суверенных государств. Неплохо было бы знать пределы их эффективного контроля.

Тогда как влияние одних государств не простирается дальше окрестностей их столиц, решения других меняют мир. Действительно, то, что говорят и делают Пекин, Брюссель и Вашингтон, в большей мере формирует политическую картину мира, чем действия любых других столиц. Например, нанеся на карту трансграничные инвестиции в инфраструктуру, мы увидим, что Китай, формально признавая границы, установленные еще в эпоху империи Цин, фактически запустил свои щупальца в глубь территорий почти всех соседей (а их у Китая больше, чем у любой другой страны мира) в целях воссоздания зависимой модели цивилизационной империи, гораздо более типичной для истории Азии последних трех тысячелетий.

Даже центральные органы власти двух могущественных вертикально управляемых империй, США и Китая, периодически подтверждают, что в действительности их страны более фрагментированы, чем принято считать. Казалось

бы, большим странам проще обеспечить внутреннюю стабильность за счет масштабов, но США, Китай, Индия, Бразилия, Россия, Турция, Нигерия, Индонезия, Бангладеш и Пакистан — десять крупнейших стран мира по численности населения (за исключением суперсовременной Японии) — при этом самые неоднородные в мире. Именно меры, направленные на сглаживание неравномерности развития территорий — всеобщий доступ к качественному образованию и здравоохранению, гибкий рынок труда в сочетании с защитой работников, широкий доступ к капиталу, — во многих крупных странах недостаточно масштабны, а то и вовсе отсутствуют. Слишком большая часть национального богатства сосредоточена — или хранится — в одном-двух крупных городах, и остальной территории мало что достается. В этих городах создается узкая экономическая база, обеспечивающая «национальный» экономический рост. Географически близко расположенные места могут кардинально отличаться по уровню развития. Существует огромная пропасть между рынками развивающихся стран, которые, подобно Китаю и Колумбии, инвестируют огромные средства в инфраструктуру и социальную мобильность и которые, как Бразилия и Турция, развиваются за счет роста потребительского кредитования. Показатели производительности труда в Индонезии за пределами Джакарты настолько низки, что практически неизмеримы. Фраза «Каир — это Египет», возможно, и романтична, но отражает нездоровую ситуацию. Поскольку неоднородность характерна для большинства стран, нужны более информативные карты, отображающие степень взаимосвязанности регионов *внутри* страны.

Мы могли бы отметить *все аспекты* экономического неравенства регионов внутри страны, например, путем оттенения цвета города и провинции в зависимости от уровня их благосостояния. Тематические карты (на которых, помимо географической, нанесена тематическая информация), отражающие концентрацию богатства и талантов в Нью-Йорке и Кремниевой долине, дают более полное представление об истинном характере американской экономики; то же касается тематических карт Китая, где прибрежные города столь же зажиточны, как Южная Корея, а отдаленные внутренние провинции так же бедны, как Гватемала. Крайняя неравномерность экономического развития территорий ставит под сомнение понятие сопряженных регионов. В этом мире медианный доход более информативен, чем показатель среднедушевого дохода, а в США медианный доход застрял на уровне 1980-х.

ГОРОДА

Совокупная доля ВВП более ста стран составляет всего 3 процента мирового ВВП; в основном это небольшие страны с относительно бедными городами, окруженными разными по протяженности пустынными землями. Такие страны

напоминают атомы: ядро (столица) занимает лишь небольшую часть объема атома (государства), но при этом содержит львиную долю его массы (веса). В мире, где связанность важнее размеров, города заслуживают более детализированного отображения на картах, чем просто черные кружочки.

Города — самая долговременная и стабильная форма социальной организации, пережившая все империи и народы, при которых они существовали. Например, хотя Османская и Византийская империи давным-давно ушли в небытие, Константинополь, нынешний Стамбул, по-прежнему остается крупным культурным и торговым центром, существенно расширившим географический радиус влияния по сравнению с временами Османской империи, а ведь он уже не столица Турции. Города — поистине вневременная глобальная форма социальной организации. Они прошли долгий путь становления: от деревень к городам, затем к мегаполисам и, наконец, городским агломерациям, протянувшимся на сотни километров.

В XXI веке города стали самой выдающейся формой инфраструктуры, порожденной человечеством, и, что примечательно, их хорошо видно из космоса. В 1950 году в мире было всего два мегаполиса с населением свыше 10 миллионов человек — Токио и Нью-Йорк. К 2025 году их наберется не меньше сорока. В Большом Мехико столько же жителей, как в Чунцине (Китай), и это больше, чем во всей Австралии. Мегаполис представляет собой несколько взаимосвязанных районов, охватывающих территорию размером с Австрию. Города, ранее разделенные сотнями километров, сейчас фактически слились в урбанистические архипелаги, крупнейший из которых — японский мегалополис* Токайдо, сформированный тремя агломерациями — Токио, Нагоей, Осакой, где проживает две трети населения Японии. Дельта реки Жемчужной в Китае, Большой Сан-Паулу и агломерация Мумбаи Пуна также все глубже интегрируются благодаря инфраструктуре. Уже сформировалась по меньшей мере дюжина таких агломераций мегаполисов. Китай находится в процессе реорганизации около двух десятков кластеров из гигантских мегаполисов с населением 100 миллионов человек в каждом**. И все же ожидается, что к 2030 году вторым по численности населения городом в мире после Токио станет не один из китайских городов, а Манила.

Американские развивающиеся агломерации и мегалополисы не менее важны, чем вышеперечисленные, хотя по количеству населения они меньше азиатских. Особенно выделяются три: Босваш, Сансан и Чипитс. Агломерация

* Мегалополис не нужно путать со словом «мегаполис», которым обычно называют любой город-миллионник. Мегалополис — это результат срастания нескольких агломераций, синоним — мегарегион. *Прим. ред.*

** В качестве примеров можно привести Чуанью, который включает Чунцин, Чэнду и еще тринадцать городов провинции Сычуань; мегаполис Столичный регион (также известный как Бохай Рим), включающий Пекин, Тяньцзинь и другие города провинции Хэбэй; дельта реки Янцзы, где расположены Шанхай, Нанкин, Ханчжоу, Сучжоу и другие, население которых составляет около 88 миллионов человек.

мегаполисов Восточного побережья, включающая Бостон, Нью-Йорк и Вашингтон, — средоточие академической науки, финансовых ресурсов и политического капитала. (Единственное, чего пока не хватает, — обслуживающей внутренние потребности скоростной железной дороги.) Сан-Франциско, Сан-Хосе и Кремниевая долина постепенно становятся единой агломерацией, протянувшейся вдоль побережья между федеральными автомагистралями I-280 и US-101; здесь расположены более шести тысяч высокотехнологичных компаний, генерирующих около 200 миллиардов долларов ВВП. (Благодаря высокоскоростной железнодорожной магистрали Сан-Франциско — Лос-Анджелес — Сан-Диего Тихоокеанское побережье Калифорнии способно стать западной альтернативой северо-восточной агломерации. Tesla Илона Маска предложила построить на этом маршруте ультраскоростной туннель Hyperloop.) Наконец, на территории крупнейшей городской агломерации на юге США Даллас — Форт-Уэрт находятся такие промышленные гиганты, как Exxon, AT&T и American Airlines, а масштаб ее экономики превышает экономику Южной Африки. Сейчас там строится скоростная железная дорога, которую со временем продолжат до нефтяной столицы Хьюстона, — такой план опубликован в 2014 году Texas Central Railway и оператором сверхскоростных поездов Central Japan Railway.

По мере концентрации населения, материальных благ и талантов в глобальных городах они постепенно снижают роль стран как ключевых мировых игроков. Сегодня города оцениваются по степени влияния в глобальной сети, а не по занимаемой площади. Глобальные города привлекают финансы и технологии, они многолики и динамичны и устанавливают прочную связь с растущим числом партнеров. Как отметил Кристофер Чейз-Данн, статус мирового города определяется не численностью населения или размером занимаемой площади, а экономическим весом, близостью к активно развивающимся зонам, политической стабильностью и привлекательностью для иностранного капитала. Иными словами, подключенность значит больше, чем масштаб и даже суверенитет. Нью-Йорк, Дубай, Гонконг не являются столицами своих стран, но входят в первую пятерку городов мира по показателю интенсивности проходящих через них потоков.

Демографический и экономический вес усиливает политическое влияние городов, позволяя им проявлять больше самостоятельности и устанавливать прямые дипломатические связи с другими городами, — я называю это «городской дипломатией». По мнению Саскии Сассен, великие связанные города в одинаковой мере принадлежат как к глобальным сетям, так и к собственным государствам. Они как набор не жестко закрепленных концентрических колец: чем их больше, тем город устойчивее, поскольку реорганизует свою инфраструктуру и перераспределяет ресурсы в соответствии с новыми глобальными моделями. Сегодня двадцать богатейших городов мира сформировали

суперкольцо, опирающееся на таланты, капитал и услуги, ставшее домом для штаб-квартир 75 процентов крупнейших компаний, которые, в свою очередь, увеличивают инвестиции в городские объекты и междугороднюю сеть коммуникаций. Глобальные города создали собственную лигу без национальной принадлежности подобно командам гонщиков «Формулы-1», привлекая таланты и инвестиции со всего мира и соревнуясь на одной и той же гоночной трассе.

Рост мегаполисов в развивающихся странах, как магнитом притягивающих местные активы и таланты, обусловил сдвиг центра экономической активности. По данным Глобального института McKinsey, с настоящего момента до 2025 года темпы мирового экономического роста на треть будут обеспечиваться ведущими западными столицами и мегаполисами развивающихся стран, еще на треть — густонаселенными городами средних размеров в развивающихся странах и еще на треть — малыми городами и сельскими регионами развивающихся стран. Поскольку цены на товары в городах Китая и Индии второго и третьего уровня намного ниже, там проживают сотни миллионов человек, в совокупности создающих масштабный спрос задолго до того, как ВВП на душу населения в этих странах достигнет 8 тысяч долларов (с учетом паритета покупательной способности), необходимых для роста потребления. Неудивительно, что компании нацелены на быстрорастущие города как основные рынки для своей продукции, в то время как инвесторы рассматривают муниципальный долг как ключевой индикатор состояния национальной экономики.

Сегодня в мире гораздо больше эффективно функционирующих городов, чем жизнеспособных государств. Действительно, города нередко оказываются островками управляемости и порядка в более слабых странах, где они высасывают ресурсы из всех ее уголков, не обращая внимания на ее нужды. Яркие примеры — Лагос в Нигерии, Карачи в Пакистане, Мумбаи в Индии. Чем меньше вмешательство столицы в жизнь остальных регионов страны, тем лучше, что особенно справедливо в случае, когда она расположена в центре страны, чтобы было легче контролировать территорию, как, например, Бразилиа или Абуджа. Такие столицы неизбежно маргинализируются, поскольку в мировой экономике доминируют столицы, расположенные на побережье.

Конечно, распутать сеть взаимозависимостей между городом и государством, будь то в территориальном, демографическом, экономическом, экологическом или социальном плане, практически невозможно. Но речь не об этом. По всему миру ключевые компании городов и их мэры создают свободные экономические зоны и напрямую привлекают инвесторов, чтобы обеспечить рабочие места и выгодополучение на местном, а не государственном уровне. Вот и все, что им нужно. В результате, чтобы избежать городской перегруженности и эффективнее подключиться к глобальным рынкам и цепям поставок, вокруг аэропортов начали вырастать целые районы (иногда называемые

аэротрополисами*). Многие транспортные узлы — от аэропорта О’Хара в Чикаго и Международного аэропорта Даллеса в Вашингтоне до сеульского Инчхона — становятся самыми быстрорастущими точками на экономической карте мира, тем самым подчеркивая внутреннюю ценность связанности. Для компаний, перемещающих штаб-квартиры в аэротрополисы, аэропорты становятся воротами в мировую экономику, в то время как близлежащий город независимо от размера — всего лишь еще одним пунктом назначения.

СОДРУЖЕСТВА

Чем больше городов соединяются с ведущими экономическими центрами в своих регионах, тем больше регионов становятся коллективной движущей силой мировой экономики, а не просто географическими единицами. Согласно докладу Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции — 2030», «влияние мегаполисов и региональных союзов (таких как ЕС, Североамериканский союз, Большой Китай) будет возрастать, в то время как национальные правительства и глобальные многосторонние организации будут бороться с быстрой диффузией власти» [9]. Региональные содружества — более надежный способ коллективного взаимодействия и совместного использования ресурсов, чем удаленные и централизованные глобальные организации. Содружества помогают модернизировать более слабых членов, как это делает ЕС в отношении стран Восточной Европы и Балкан за счет фондов структурных реформ, инвестиций в человеческий капитал, внедрения цифровых технологий и других направлений деятельности. Вступление в ЕС улучшило инвестиционный климат этих стран, сделав их более привлекательными для глобальных цепей поставок вследствие принятия более прозрачных и надежных законов. То же происходит сейчас в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и паназиатском Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), в рамках которых экономики отдельных стран становятся более открытыми и могут защитить свои сравнительные преимущества и стимулировать рост занятости. Инфраструктурная и рыночная интеграция, происходящая во многих регионах, делает их более значимыми строительными блоками нового мирового порядка, чем национальные государства. Важно отметить, что в регионах, не спешащих объединиться в совместно функционирующие зоны, наблюдается наибольшее количество так называемых несостоявшихся государств.

Мегарегионы — это не монолитные образования, а скорее то, что ученые называют «компаративными империями»: у них есть номинальная центральная власть, но при этом провинции пользуются правами широкой автономии.

* Многие эксперты рассматривают аэротрополисы как следующий этап развития городов. Слово «аэротрополис» придумал американский профессор Джон Казарда из Университета Северной Каролины, и оно обозначает город, построенный вокруг аэропорта. *Прим. ред.*

Римская, Византийская и Османская империи были огромными, могущественными и богатыми и одновременно политически и культурно раздробленными. Безусловно, даже слабый регионализм — отличное противоядие от империализма. Если одной из причин начала военных действий становится завеса неопределенности, окружавшая потенциальных противников (как накануне Первой мировой войны), то прочные региональные объединения, устойчивые к внешним манипуляциям, способны ее нивелировать.

Такие региональные содружества гораздо крупнее, сплоченнее и сильнее, чем неформальные культурные сообщества, описанные профессором Гарвардского университета Сэмюэлем Хантингтоном в книге *The Clash of Civilizations**. Католики могут смотреть в сторону Рима, православные — Москвы, но они не выступают единым геополитическим фронтом. Чем больше насилия совершают радикальные группировки во имя ислама, тем разобщеннее становится исламский мир. Достаточно посмотреть на контролируемые ИГИЛ территории и его беспрестанные атаки на суннитские режимы на Ближнем Востоке. Внутренние разграничительные линии между ИГИЛ и другими исламскими группировками более кровавые, чем границы с внешними соседями.

Ситуация в экономически интегрированных мегарегионах гораздо стабильнее. В Североамериканский союз входят страны, принадлежащие к западной и романской культуре; ЕС успешно охватывает части арабской, христианской и тюркской цивилизаций. Сфера влияния Китая простирается на страны Юго-Восточной Азии с собственной культурой, вторгаясь на территорию господства древних японской и корейской цивилизаций и проникая в страны с православной и тюркской культурой. Как и прогнозировал Фернан Бродель в своих фундаментальных исследованиях, регион Большого Средиземноморья не столько разделен, сколько объединен Средиземным морем. Любой, кто встречал ливанского суннита из Бейрута или коммерсанта из Триполи, знает, что они больше отождествляют себя с историей Финикии и культурой Средиземноморья, чем с исламом. Цивилизации взаимодействуют гораздо чаще, чем сталкиваются.

СООБЩЕСТВА

Не менее важно понять, как идентичность и лояльность индивидуумов выходят за рамки географии. Здесь лучший пример — этнические диаспоры. Исторически связи диаспоры всегда были улицей с двусторонним движением: передача культурных традиций со стороны родины и денежные переводы в обратном направлении. В 2014 году общая сумма таких переводов составила 583 миллиарда долларов, и это довольно веское основание для анализа того, как

* Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. СПб.: Мидгард, 2006. *Прим. ред.*

диаспора может стать агентом изменений на исторической родине. Нынешние диаспоры — это нескончаемый разнонаправленный поток финансов, коммуникаций и политического влияния, пересекающий десятки национальных границ: китайцы — это не только Китай, индийцы — не только Индия, бразильцы — не только Бразилия.

Нанесение на карту сети диаспор показывает, насколько сильным мультипликатором они могут быть. Индийская диаспора в Северной Америке, на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и Юго-Восточной Азии — это внутренне интегрированное коммерческое сообщество (которое я назвал Боллистан), инвестирующее в недвижимость, школы, заводы, золотодобычу по всей территории бывшей британской колониальной империи без всяких указаний из Индии. Надо сказать, правительства все чаще используют связь с диаспорами как источник лояльного, долгосрочного капитала. Индия, Израиль и Филиппины предлагают финансовые продукты (например, инфраструктурные облигации, предназначенные для финансирования конкретных проектов и имеющие прозрачную систему контроля их реализации) специально для членов своих диаспор. В то же время сейчас наблюдается массовое возвращение людей на родину в связи с существенным улучшением там качества жизни. Эти люди, получив за границей образование и опыт, обеспечивают в страну приток мозгов и выступают как движущая сила инноваций, привнося западные идеи в более консервативные общества и разбавляя традиционную структуру управления. Действительно, представители диаспоры играли видную политическую роль в жизни каждой из этих и многих других стран.

Огромная китайская диаспора численностью свыше 50 миллионов этнических китайцев расселилась по всей Азии, пересекла океаны и сама по себе мощный центр притяжения. В 1980-х годах Дэн Сяопин призвал этнических китайцев — промышленников Тайваня, Гонконга, Малайзии и Таиланда — инвестировать в формирующиеся свободные экономические зоны Китая. Если бы Пекин предложил двойное гражданство хотя бы некоторым из многомиллионной диаспоры, то привлек бы многих китайцев из-за океана, что обогатило бы страну талантами и омолодило стареющее население. Представители диаспор нередко обижены на власть покинутой ими страны, однако по прошествии нескольких поколений после гражданской войны в Китае и большой эмиграции китайские диаспоры служат важным источником потенциала для китайской цивилизации в целом.

Диаспоры — наиболее очевидный предвестник глобального перехода от вертикальной к горизонтальной структуре власти, основанной на влиянии на умы, а не на территорию. Это не национальные, а *отношенческие* государства, где географические границы и численность населения менее значимы, чем способность действовать в глобальном реальном и виртуальном мире. По мере роста значения интернета в 1990-х годах социолог Мануэль Кастельс провел различие

между «пространством мест» и «пространством потоков» [10]. Сегодня оба пространства переплелись как никогда. Слияние демографических и технологических потоков открывает для групп в Facebook и прочих «облачных» сообществ, растущих как грибы после дождя, новые возможности, что генерирует флеш-мобы лояльности, приводящие к появлению политических концепций, не включающих понятие государства. Социальные сети предоставляют людям инструменты борьбы за благосостояние путем мотивации их членов, финансирования разных видов деятельности и проведения политических акций. Основатель WikiLeaks Джулиан Ассанж утверждает, что интернет побуждает контактирующие группы объединяться в сообщества и действовать на основе совместно разделяемых принципов. Таким образом, перечень влиятельных игроков расширяется, включая террористов, хакеров и фундаменталистов, определяющих себя по тому, *что* они делают, а не по тому, *где* находятся.

Глобальная связанность постепенно подрывает национальные корни или замещает их рядом транснациональных связей и идентичностей. Представьте себе мир, в котором люди лояльны к городам и цепям поставок, а не к странам, ценят кредитные карты и цифровую валюту больше, чем гражданство, ищут подходящее общество в киберпространстве, а не в своей стране. Как заметил эксперт по новым моделям ведения войны из Школы повышения квалификации офицеров ВМС Джон Аркилла, сегодня социальные сети побеждают нации точно так же, как нации когда-то победили империи. Они черпают силы из привлекательных историй и используют технологии для консолидации членов. Микроблог — не просто средство коммуникации, а зародыш будущего виртуального сообщества, способного бросить вызов государственной принадлежности и правительственным предписаниям.

КОМПАНИИ

Супермощные корпорации становятся независимыми игроками в мире цепей поставок. В то время как транснациональные компании времен холодной войны были прочно привязаны к внутреннему рынку, сегодня многие компании вышли за пределы национальных границ, избегая чрезмерной зависимости от какого-либо одного рынка, инвестора, штаб-квартиры или местонахождения трудовых ресурсов. После финансового кризиса массовые банкротства компаний и ряд новых финансовых актов должны были уменьшить аппетиты Уолл-стрит. Но, согласно выпускаемому Бюро финансовой стабильности ежегодному перечню системообразующих финансовых учреждений (оцениваются по размерам и широте услуг), свыше тридцати банков имели консолидированные активы на сумму 50 миллиардов долларов *каждый*, что означало больший финансовый вес (и, соответственно, глобальный охват), чем две трети стран мира. Даже притом, что их операции существенно сократились и тщательно

контролируются, они продолжают реструктуризоваться путем слияний и поглощений и перехода в другие налоговые юрисдикции. Банк HSBC рассматривал вопрос о переносе штаб-квартиры из Лондона в Гонконг. Glencore Xstrata (торговля товарами сырьевой группы), DHL (логистика), Accenture (профессиональные услуги) и Academi (бывшая Blackwater) (военные частные компании) — примеры компаний, которые, несмотря на присутствие в листингах фондовых бирж, трансформировались в глобальные партнерства предприятий, принадлежащих местным собственникам. Они воспринимают государства не как суверена, которому следует повиноваться, а как юрисдикции, с которыми можно вести переговоры.

Чем масштабнее подключенность, тем больше компаний могут сделать ее своим конкурентным преимуществом. Даже высокотехнологичные компании Кремниевой долины все чаще разрабатывают продукты — и держат деньги — в «облаке». В мире не больше пяти стран с ВВП, превышающим те 200 миллиардов долларов, которые одна только Apple держит в высоколиквидных ценных бумагах по всему миру, а значит, компания может купить совокупную продукцию многих стран (за вычетом их долга). Продав почти два миллиарда продуктов более чем миллиарду человек, Apple не только получила больше денег, но и завладела умами большего числа людей, чем многие государства.

Страны, функционирующие на основе цепей поставок, города с самоуправлением, общины без границ и компании могущественнее правительств — все это свидетельства перехода к новому типу плюралистической мировой системы. Границы полномочий глобальных органов власти на наших картах связанности быстро расширяются, напоминая о том, что ни одна карта не может оставаться неизменной в постоянно меняющемся мире.

От «дипломатии» к «городской дипломатии»

Изучать географию глобальной связанности ученые начали с городов. Как отмечал историк Питер Спаффорд, европейская урбанизация XIII–XIV веков способствовала ускоренному распространению капиталистических отношений за счет растущего использования кредита и страхования в международной торговле. Европейская торговая революция связала ключевые городские рынки континента с азиатскими торговыми центрами, такими как Константинополь и Каликут. Именно благодаря тому, что глобализация нивелировала национальные границы, города могли беспрепятственно сотрудничать на международном уровне.

Сегодня влияние городов на порядок выше. С тех пор как в 1953 году Нью-Йорк открыл первую миссию за рубежом, это сделали более двух сотен американских городов и штатов. Массачусетс после подписания первого

международного соглашения с провинцией Китая Гуандун в 1983 году установил прямые партнерские отношения более чем с тридцатью зарубежными странами через свое управление международной торговли и инвестиций. Сан-Паулу и Дубай хоть и не обладают столичным статусом, все же имеют крупные департаменты международных дел и официальные двусторонние отношения с другими странами, включая США, Великобританию и Германию. Для привлечения местных компаний к работе в Вашингтоне и пригородах у управления экономического развития графства Фэрфакс в штате Вирджиния есть представительства в Бангалоре, Сеуле и Тель-Авиве.

Ни одна империя не станет полноценной заменой преимуществ прямого глобального доступа. Даже китайские города активно укрепляют международные экономические связи на основе сравнительных конкурентных преимуществ, а не геополитических соображений. Ежегодные торговые обороты с каждым из крупнейших торговых партнеров провинции Сычуань — США, Европой и АСЕАН — составляют около 10 миллиардов долларов, поэтому власти провинции намерены укреплять налаженные связи. Торговая дипломатия между городами отражает поворот в сторону функционального, а не политического мира.

Даже такие столицы, как Лондон, могут действовать как независимое государство. Чтобы сохранить единство Англии в начале XIII века, король Иоанн Безземельный согласился включить в Великую хартию вольностей специальные положения, предусматривавшие особые права для лондонского Сити, прозванного «квадратной милей» из-за своей небольшой площади (сейчас это Корпорация лондонского Сити). В настоящее время его руководство и лорд-мэра, которые путешествуют по всему миру, представляя Сити и заключая финансовые соглашения при полной поддержке Министерства иностранных дел Великобритании и мэра Лондона, избирают 24 тысячи компаний. В отличие от политиков популистского толка, активно выступающих против ЕС ради получения голосов у такого же невежественного электората, лидеры лондонского Сити прекрасно понимают значение торговли с еврозоной — в долларах, иенах или юанях — для экономики страны.

Существует еще одна причина, по которой сегодня бывшие мэры становятся главами государств чаще, чем когда-либо ранее. Для решения глобальных проблем современности, например климатических изменений, города делают не меньше, а то и больше национальных правительств. Сорок крупнейших городов мира запустили собственные проекты по снижению

выбросов парниковых газов (под названием C40) в обход межгосударственных переговоров, которые не более чем сотрясают воздух. Мэры и администрации городов Китая направляют сотрудников в Копенгаген, Токио и Сингапур, чтобы обучить их сочетать инновации с обеспечением жизнеспособности и получить конкурентное преимущество. (Действительно, дипломатические отношения европейских стран с Китаем сегодня сводятся к прямым контактам бизнес-ассоциаций крупных городов и обмену коммерческими технологиями, повышающими эффективность и устойчивость экономики Китая.) Для того чтобы выяснить, как решить чуть ли не самую важную в данный момент проблему устойчивой урбанизации, вы обращаетесь во Всемирный саммит городов в Сингапуре или Всемирный конгресс «умных» городов в Барселоне — или заходите на разнообразные сайты, где эксперты, активисты и менеджеры из сотен городов мира обмениваются информацией по этим вопросам. Но вы уж точно не обращаетесь в Генеральную Ассамблею ООН. «Городская дипломатия» уже привела к созданию таких организаций, как Объединенные города и местные власти, а также еще более двух сотен межгородских обучающих сетей, что в совокупности превышает количество международных организаций, вместе взятых [11]. Учитывая, что города определяют себя в зависимости от степени связанности, а не суверенитета, можно предположить, что глобальное общество будущего, скорее всего, возникнет на основе межгородских, а не международных отношений.